

Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины

Алиса Толстокорова*

Аннотация. Статья посвящена анализу новейших подходов в социальных науках: парадигме мобильности, транснациональной перспективе и гендерному подходу к изучению социальных явлений, рассматриваемых в диалектической взаимосвязи. Анализируются возможности применения транснациональной парадигмы в социальных науках и миграциологии; прослеживаются существующие подходы к изучению транснациональной семьи и трансграничного родительства на примере Украины; рассматривается гендерный подход к исследованию международной мобильности и миграции в Украине; раскрывается специфика женской независимой миграции в контексте «глобальных цепочек заботы и ухода».

Ключевые слова: международная мобильность и миграция, транснациональная парадигма, гендерный подход к изучению мобильности, украинская трудовая миграция.

С точки зрения футуролога Дж. Баркера (Баркер, 2007: 12), логика отсчета и система координат, используемые человеком для объяснения и интерпретации мира, задаются базовыми парадигмами мышления, необходимыми для процесса познания. Именно они определяют направление научной деятельности на каждом конкретном историческом этапе развития научной мысли. Еще несколько десятилетий назад нормой исследований в социальных науках была ориентация на изучение индивидов и групп, живущих в стабильном, статичном контексте, поскольку мобильность, главным образом в виде миграционных потоков, считалась нетипичным явлением. Сегодня эти исследовательские полюса поменялись местами. В эпоху «текущей модерности» (Bauman, 2000) социальная теория воспринимает реальность в динамике как находящуюся в процессе перманентного движения и изменения. Пришедший в движение мир вызвал к жизни новые исследовательские проблемы в науке об обществе, потребовавшие разработки новых парадигматических перспектив исследований для их решения. Одна из них — «парадигма мобильности» (Sheller, Urry, 2006), или «мобильностный поворот» (mobilities turn) (Hannam, Sheller, Urry, 2006), — сформулирована в Манифесте Джона Урри, провозгласившем мобильность новым основанием

* Толстокорова Алиса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт, Международная школа равных возможностей. Email: alictol@yahoo.com

© Толстокорова А. В., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

социального порядка и имевшем эффект «прорвавшейся плотины» (Запорожец, 2013) в социальных науках. Сегодня исследования мобильности, объектом анализа которых являются сети, ландшафты и потоки (Urry, 2000), охватывают изучение не только движущихся людей, объектов и капиталов, но и меняющихся рисков, образов, мотиваций, информации, практик неподвижности и т. д. При этом принимается во внимание, что траектории мобильности во многом определяются гендерным фактором и сами участвуют в создании значений и практик гендера, в то время как последние варьируют в зависимости от географического и социокультурного контекста (Valentine, 1989; Mandel, 2004; Hanson, 2010). Таким образом, мобильная парадигма смыкается здесь с другой новой парадигмой социальных исследований — гендерной. Семантической моделью, позволяющей концептуализировать порожденные глобализацией режимы мобильности с учетом их гендерной специфики, является «транснациональная парадигма» (Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992; Glick Schiller, 2013), или «транснациональный поворот» (Levitt, Sørensen, 2004), благодаря которому на смену линейным, биполярным и ассимиляционным моделям, характерным для традиционных подходов к социальным исследованиям, пришли антропологические методы, обогащенные идеями постколониальности и постмодернизма (Hondagneu-Sotelo, Avila, 1997). Транснациональную парадигму рассматривают как «новую аналитическую оптику» (Caglar, 2001: 607), визуализирующую процесс структурирования мобильными субъектами новой реальности, позволяющей им одновременно существовать в разных социальных контекстах, разделенных большим географическим расстоянием.

Объединение этих трех парадигм в исследовании глобальных социальных трансформаций, присущих эпохе постмодерна, — перспективная, но пока еще малоисследованная *научная проблема*. Причем если в зарубежных социальных науках уже отмечаются отдельные попытки применения такого интегрированного подхода к процессам международной мобильности (Fouon, Glick Schiller, 2001; Lutz, 2004; Morokvasic, 2004; Mummert, 2006), то на постсоветском пространстве он еще не привлек внимания исследовательского сообщества. Отсутствие интереса к данной проблеме можно объяснить недостаточной разработанностью теоретической, концептуальной и методологической основ для изучения этой новой области знаний, требующей меж- и трансдисциплинарного подхода к объекту исследования. Однако именно такой подход обеспечивает возможности для осознания и интерпретации процессов современного быстротечного глобализирующегося мира. Поэтому *актуальной научной задачей* сегодня является разработка концептуальной базы для анализа феномена современной международной мобильности с учетом ее гендерной специфики и транснациональной составляющей. Также необходимо проведение эмпирических исследований мобильности и миграции, предоставляющих материал для выработки и апробации новых концепций, методов и инструментария, позволяющих отразить суть исследуемого явления.

В Украине в последние годы сформировался социальный заказ на концептуализацию гендерных аспектов мобильности и миграции в силу возрастающей автономной

мобильности украинских женщин как исторически относительно нового феномена, ставшего объектом изучения лишь в последние годы. С формальной точки зрения гендерный порядок украинского общества наделяет женщину значительными правами и свободами, в том числе свободой пространственного передвижения. Благодаря этому в Украине не существует проблемы «социальной допустимости» миграции женщин отдельно от мужчин (Космарская, 1998), как, например, в республиках бывшего СССР с преобладанием мусульманского населения, где этот процесс воспринимается многими как ненормативное поведение, поскольку разрушает стереотипный образ женщины-мусульманки (Касымова, 2010). Это способствует наблюдающемуся в последние годы оттоку украинок за рубеж в поисках «лучшей жизни».

Украинская трудовая миграция, сформировавшаяся за период рыночных преобразований, приобрела характер массового явления — «заробитчанства», воспринимаемого обществом как «социальная норма» жизни, форма «самоотречения» и «жертвенности» его граждан (Пономарева, 2011). В заробитчанство вовлечены от 10 до 20% граждан трудоспособного возраста, что свидетельствует о существенной значимости данного феномена для жизнедеятельности украинского социума. При этом украинская трудовая миграция характеризуется тенденцией к феминизации потоков трудовой силы, усиливающейся в последние годы. В связи с этим *актуальной научной проблемой* является изучение такого новейшего социального явления, как независимая международная мобильность украинских женщин с позиций гендерно-ориентированного анализа и с точки зрения транснациональной перспективы.

Транснациональная парадигма в социальных науках и миграциологии

Транснациональная парадигма — одно из трендовых направлений исследований, сформировавшихся в социальных науках за последние десятилетия. С эпистемологической точки зрения она представляет собой попытку преодоления ограничений, присущих традиционным миграционным концепциям, в осмыслении реалий жизни индивидуумов и семей, связанных социальными, экономическими и политическими узами более чем с одним государством (Schmalzbauer, 2004). В соответствии с этой парадигмой транснационализм рассматривается как способность к совмещению физического отсутствия с социальным присутствием и участием (Carling et al., 2012). Мобильность и погружение расцениваются как взаимодополняющие аспекты парадоксального процесса «оседания в мобильность» (Morokvasic, 2004), рассматриваемого как проявление «растекающейся жизни» (Bauman, 2005) индивида эпохи постмодерна. Это объясняется тем, что, меняя место проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но благодаря «капиталу мобильности» перекраивают жизненное пространство и значительно расширяют пределы своей повседневности (Бредникова, Ткач, 2010: 73). Благодаря этому создаются новые реальности — «транснациональное социальное пространство» (Pries, 1996) и «транснациональный габитус» (Kelly, Lusic, 2006), в котором люди оказываются

в раздвоенном состоянии, одновременно становясь «своими» и «чужими», «законными» и «незаконными», «семейными» и «несемейными», «бедными» и «богатыми» и т. д., переключаясь из одного регистра в другой по необходимости (Абашин, 2012: 10). Данный подход рассматривает мигрантов не как локализованных индивидов, а как «трансмигрантов» (Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992), ведущих «двойную жизнь» (Portes, Guarnizo, Landolt, 1999), которая позволяет развивать и поддерживать самые разнообразные трансграничные взаимоотношения: семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные, политические и т. д.

Одни исследователи предлагают рассматривать транснационализм с точки зрения «5 т», к которым относят семейные денежные трансферты, туризм, транспорт, телекоммуникацию и ностальгическую торговлю (Ogozko et al., 2005). Другие считают, что к формам его проявления следует относить участие трансмигрантов в политике стран исхода, индивидуальные и коллективные денежные переводы, предпринимательство, передачу знаний, активное потребление ими услуг многих секторов экономики стран происхождения, таких как строительство, туризм, индустрия развлечений и средства массовой информации (Глуценко, 2005). Третьи (Бредникова, Ткач, 2010) обращают внимание на то, что в конце 1990-х — начале 2000-х годов с применением более гибких методов в изучении повседневности трансмигрантов в разработке транснациональной парадигмы отмечаются попытки объединения ее с ассимиляционным подходом на том основании, что первый вовсе не исключает другого, поскольку положение мигранта в географическом, социоэкономическом и культурном пространствах определяют и ассимиляционные, и транснациональные процессы одновременно (Morawska, 2005).

Таким образом, транснациональная перспектива обеспечивает принципиально новый подход к изучению как отдельных мигрантов, так и их семей и групп. В то же время идея «транснациональных миграционных циркуляций» (Portes, Bach, 1985), позиционируемая как новый теоретический вклад конца 1980-х и начала 1990-х годов, при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь переносом и переосмыслением идей, связанных с исследованиями внутренних миграций в развивающихся странах, на исследования международных перемещений (Кайзер, Бредникова, 2004). Несмотря на это, теория транснационализма по сей день остается малоизученной, недостаточно разработанной, неурегулированной на институциональном уровне и терминологически неупорядоченной. Кроме того, исследователи указывают на некоторую ограниченность транснациональной эпистемологии, которая иногда попадает в ловушку наивной нормативности, представляя транснациональные феномены в излишне позитивном свете (Amelina, Faist, 2012).

На постсоветском пространстве ни сам транснационализм, при всей его массовости, ни вызываемые им фундаментальные изменения в социальном пространстве «плюрилокальной семьи» как новой «семейной конфигурации» (Widmer, 2010) современной эпохи массовой мобильности еще не стали объектом специального изучения. Отчасти это можно объяснить тем, что постсоветская фамилистика не изжила последствия существенного спада исследовательской активности, отмечавшегося в пер-

вые годы после распада СССР, когда после отказа от методологической монополии марксизма-ленинизма в общественных науках новые концептуальные построения в этой области еще не были разработаны (Клёцин, 1996). Таким образом, *актуальной научной задачей* сегодня является исследование и концептуализация транснациональной семьи (ТС) и трансграничного родительства (ТР) как «модернизированной модели семейных отношений» (Толстокорова, 2013а), обусловленных возрастающей экономической мобильностью населения в результате глобализации, урбанизации, экономической реструктуризации и распространения новейших транспортных и информационно-коммуникационных технологий. При этом важно рассматривать экономическую мобильность как социальный процесс, предполагающий не только перемещение трудовой силы, но в первую очередь сложное взаимодействие человеческих личностей посредством семейной динамики, обуславливающей передачу практик и норм ухода и заботы, не исключая их трансформации во времени и пространстве (Gherghel, Le Gall, 2005).

Подходы к изучению транснациональной семьи и трансграничного родительства

Одной из ведущих тенденций в формировании «постсовременной семьи» (Голод, 2008) является увеличение разнообразия ее форм и типов (Семья и человеческое развитие, 2012). Современный «век миграции» (Castles, Miller, 2003) вызвал к жизни новые конфигурации семейных отношений, в частности трансграничные, составляющие основу социального пространства ТС трудовых мигрантов. Транснациональная семья определяется нами как модернизированная модель семейных отношений, порожденная международной миграцией и глобальным сетевым сообществом, основу которой составляет «воображаемый союз» (*imagined community*)¹ ее мобильных членов (Vuorela, 2002), существующий на основе трансграничных отношений, когда один или более из них работают за рубежом, но поддерживают регулярные родственные связи с членами семьи, оставшимися дома, исполняют свои семейные и родительские функции и дистантно участвуют в ведении домохозяйства. С этой точки зрения не все семьи мигрантов являются транснациональными, поскольку к последней категории относятся лишь те семейные союзы, в которых отъезд одного из членов на заработки приводит не к ослаблению или отмиранию родственных связей, а к их переформатированию на основе трансграничных отношений. Причем основную роль в поддержке или ограничении трансграничной семейной солидарности играют государственные политики и международные предписания (Levitt, Glick Schiller, 2007; Merla, Baldassar, 2010).

1. Понятие «воображаемое сообщество» (*imagined community*) предложено и разработано Бенедиктом Андерсоном (Anderson, 1991) преимущественно в применении к нации. В данном тексте этот термин переведен как «воображаемый союз», что представляется более приемлемым по отношению к семье.

ТС привлекла внимание миграциологов в качестве объекта анализа в начале 1990-х годов, когда стало ясно, что семейные обстоятельства (чаще всего финансовая нужда) играют решающую роль в принятии миграционных решений членами семей и в установлении их миграционных стратегий. Семья была определена как основная транснациональная единица (Kambouri, Zavos, 2011). Ее изучение в рамках теории транснационализма осуществляется с привлечением различных аналитических и методологических подходов. Так, некоторые исследователи (Baldassar et al., 2007) выделяют возможные модели транснациональной заботы и ухода, обращая внимание на комплекс таких принципиальных факторов, как способности к предоставлению транснациональной заботы, культурные представления об обязанностях по уходу за близкими, характер семейных обязательств и родственных связей между участниками трансграничного процесса и т. д. Другие (Gherghel, Le Gall, 2005) предлагают объединить транснациональную перспективу исследований с анализом жизненных циклов. Это предоставляет возможность создания всеобъемлющей модели для анализа социального и семейного поведения с учетом межпоколенных изменений, что необходимо для понимания индивидуального развития с точки зрения множественной темпоральности: социального, исторического и индивидуального времени. Третьи (Mummert, 2005) считают перспективным при изучении ТР учитывать процесс принятия решений на уровне как отдельного индивидуума, так и всей семьи и анализировать его с позиций глобальной политической экономики. Это объясняется тем, что такие факторы, как изменяющиеся условия рынка труда, миграционная политика, законодательство в отношении национальности и гражданства, контроль за пересечением границ и другие социальные, политические и культурные тренды вместе взятые, играют ключевую роль в принятии родителями решения о том, следует ли оставить детей дома или взять их с собой. Четвертые указывают на необходимость уделить особое внимание изучению многомерных связей, поддерживаемых трансмигрантами с обществами происхождения и семьями, оставленными дома, и оказывающих существенное влияние как на одних, так и на других. Эти социальные, культурные и экономические связи предлагается рассматривать с точки зрения понятия «габитус», введенного Пьером Бурдьё (см. Бурдьё, 1998) как эвристической основы для интеграции различных измерений жизни трансмигрантов и ТС (Kelly, Lusia, 2006). Еще одно направление исследований объясняет повышение интереса к транснациональной семье возрастанием потоков независимой женской миграции (Sørensen, 2005). При этом выделяются три модели транснациональных семейных отношений: транснациональное материнство, отцовство и детство. В последние годы началось исследование транснационального прародительства, т. е. роли бабушек и дедушек в поддержании ТС (Nesteruk, Marks, 2009; Tolstokorova, 2011; Tiaynen, 2011; Deneva, 2012).

Влияние транснационализма на семьи украинских мигрантов

Полевое исследование для данного проекта² показало, что социально-психологические последствия массовой миграции и транснационализма в Украине проявляются прежде всего в ослаблении семейных и брачных институтов, несущих основную ответственность за социальное здоровье общества, поскольку «по правилам игры, задаваемым миграцией, они не в состоянии выполнять свои социальные функции» (Николаевський, 2007: 122). Это подтверждается самими мигрантами: в соцопросах 85,7% из них указывали, что «семьи разделились из-за миграции», и 88% — что «детям тяжело расти без родителей, если один или оба родителя находятся за границей» (Иващенко-Стадник, 2013). Хотя украинские ТС являются порождением информационного общества и пользуются преимуществами новых информационно-коммуникационных технологий для поддержания семейных отношений в условиях больших расстояний, это не гарантирует им полноценных возможностей для качественного выполнения основных социальных функций. Исследование свидетельствует, что выполнение таких функций ТС, как прокреативно-репродуктивная, рекреационная и защитная, воспитательная, социализационная и функция первичного контроля, осложняется в условиях географической дисперсии ее членов. Даже выполнение хозяйственно-экономической функции, что является основной причиной миграции и считается наиболее успешным в ТС, может быть проблематичным по причине ослабления организационно-хозяйственного механизма семейной экономики мигрантов. Как было показано ранее (Толстокорова, 2013а), «фрагментированный» стиль жизни трудовых мигрантов производит эффект «социального контрацептива» для транснациональных супружеских пар, препятствуя появлению у них нового потомства. Кроме того, поскольку в условиях раздельного проживания детей и родителей функция воспитания и первичного социального контроля в ТС серьезно подрывается, то во многих случаях транснационализм, образно говоря, играет роль «социально-экономического яда» для детей мигрантов, способствующего формированию у них иждивенческого и потребительского отношения к родителям, зарабатывающих на жизнь в сложных условиях зарубежного трудоустройства. Свидетельством тому служат интервью с респондентами проекта:

«Вы знаете, так обидно, я же каждую копейку берегла, пока там работала, все откладывала, чтобы детям домой отослать. Иногда девчонки наши зовут: „Давай, мол, в кафе сходим, посидим, расслабимся“. Где там! Все для детей. А приехала домой, смотрю, сын на занятия в университет только на

2. В ходе полевого исследования было собрано 25 экспертных интервью и 41 интервью с украинским мигрантами, членами их семей и неформальных социальных сетей. Данная статья не преследует цели проанализировать результаты полевого исследования, используя их лишь для иллюстрации выводов, полученных на основе анализа теоретических источников. Более подробно о методологии полевого исследования, его основных этапах и результатах см.: Толстокорова, 2012а, 2012б, 2012в, 2013а, 2013б, 2013в; Tolstokorova, 2009а, 2012.

такси. Вечером — друзья, бары, пиво... Оказывается, растрывькал все деньги, что я высылала, да еще и назанимал. А потом приходит ко мне и говорит: „Мать, дай денег, мне нужно долг отдать, а то у меня будут серьезные неприятности“. Пришлось мне выкладывать все, что я там заработала, чтобы вытащить сына» (Ольга, экс-главный инженер коммунального предприятия, работала уборщицей в Москве) (Толстокорова, 2012б: 34).

«Одна девочка мне сказала: „Вы знаете, в группе, где я учусь, у половины студентов мамы работают в Италии. Поэтому они учатся, не напрягаясь, потому что мамы присылают им деньги, а они только платят за экзамены“. То есть миграция оказывает огромное влияние на детей, особенно на подростков. У них есть деньги, которые им присылают матери, это легкие деньги, и они начинают играть в азартные игры, пить, и им не нужно учиться, потому что они знают: мама пришлет деньги, зачем мне учиться» (эксперт женской неправительственной организации) (Толстокорова, 2012б: 35).

В плане рекреационной и защитной функций, выражаясь фигурально, «миграционность» производит на ТС эффект малоэффективного «социального витамина», который хотя и поднимает тонус семейного организма, но не способен излечить его от социально-экономических недомоганий, вынуждающих людей выезжать за рубеж на заработки. Наконец, работая за рубежом, чтобы обеспечить благополучие своей семьи, мигранты нередко лишаются и ее самой, и своих близких, поскольку их семейные союзы распадаются:

Респондентка: «Когда моя невестка уезжала на работу за границу, я ей сказала: „Галя, я готова взять на себя воспитание внуков, но только при условии, что мой сын поедет с тобой“. Потому что, понимаете, если бы она уехала одна, семья непременно распалась бы. Если муж и жена разлучаются, семья точно распадется. Это 100%».

Интервьюер: «И много таких семей?»

Респондентка: «Ой, много! Очень много. Да практически все. Как только муж и жена разъезжаются, все — семьи у них больше нет. И у детей семьи больше нет» (Нина, работающая пенсионерка, мать двух мигрантов, живущих с семьями в Италии) (Толстокорова, 2012б: 51).

Хотя с хозяйственно-экономической точки зрения миграция и транснационализм могут служить для многих украинских ТС действенным целебным снадобьем, позволяющим преодолеть бедность и нужду, для других семейных союзов они служат скорее «экономическим болеутоляющим» и «седативным средством», на время успокаивающим боль и снимающим стресс экономического кризиса, зачастую ценой разрушения семейного организма.

Несмотря на всю сложность и неоднозначность транснационализма как социо-географического явления, большинство авторов признают, что оно охватывает все большее количество семей и, следовательно, ТС становится типичным феноменом, требующим пристального внимания. При этом исследователи подчеркивают, что «миграция придает изменениям в семье гендерный характер» (Parreñas, 2005: 317) и что «родительские роли строго гендерированы, а транснациональное материнство и отцовство — принципиально разные явления» (Carling, Menjivar, Schmalzbauer, 2012: 192), подтверждая перспективность изучения гендерного измерения транснационального родительства как актуального направления исследований.

Гендерная перспектива исследования мобильности и миграции

Возрастающая феминизация международных миграционных потоков признается в качестве неотъемлемой характеристики современного миграционного процесса (Andall, 2000; Castles, Miller, 2003; UN-INSTRAW, 2007). Термин «феминизация (трудоустрой) миграции» используется для обозначения увеличивающегося количества женщин, уезжающих на заработки самостоятельно, а не в качестве сопровождения для своих мужей или других членов семьи и работающих на низкостатусной работе, часто в неблагоприятных условиях (сезонная или временная работа, опасная для жизни или здоровья и т. д.) (Beyond borders, 2010: 13). Согласно статистике ООН, только за период с 1965 по 1990 г. общее количество женщин-мигранток возросло с 35 до 57 млн, т. е. почти на 63%, что на 8% больше, чем мужчин (Zlotnik, 1998). В 1990-е годы доля женщин среди мигрантов составляла 48% (UN 1995), а в 2005 г. она увеличилась почти на 3% по сравнению с 1960 г. В последнее время женщины-мигрантки составляют 3% от населения земного шара (Jolly, Reeves, 2005). Они становятся самостоятельными действующими лицами в процессе международной трудовой мобильности и уже не ограничиваются ролями зависимых членов семьи, следующими за отцами или мужьями, все чаще выбирая роль автономных субъектов мобильной трудовой силы и «независимых акторов миграции» (Oishi, 2002: 1). Все чаще они сами становятся ведущими субъектами миграции, за которыми мужья следуют в качестве сопровождения. Эта трансформация роли женщин в глобальной «миграционной индустрии» (Castles, Miller, 2003) воспринимается как «женская подноготная глобализации» (female underside of globalization) (Ehrenreich, Hochschild, 2002) и ее «женская тень» (Ally, 2005). Еще в 1980-е годы были выделены 4 основные категории мигранток, различающихся по семейному статусу и причинам миграции (Thadani, Todaro, 1984):

- 1) замужние женщины, мигрирующие с целью трудоустройства;
- 2) незамужние женщины, мигрирующие с целью трудоустройства;
- 3) незамужние женщины, предпринимательницы брачную миграцию с целью создания семьи;
- 4) замужние женщины, сопровождающие своих родственников-мужчин и не преследующие цели найти работу.

В то же время в материалах ООН отмечается, что по мере увеличения уровня женского образования у женщин появляется больше возможностей для трудоустройства и они все чаще осуществляют миграционные поездки в качестве студентов и сотрудников международных компаний (UN, 2006).

По отношению к женщинам из постсоциалистического лагеря в академических кругах долгое время господствовало предубеждение, что их международная мобильность началась после падения Берлинской стены. Исследования показали, что на самом деле возрастание их доли в потоках трудовой силы в Западную Европу приходится на 1960-е годы, а к 1980-м годам женщины составили уже более $\frac{1}{4}$ рабочей силы и более 40% общего количества мигрантов (Phizacklea, 1983). В отношении украинских женщин также существовало ошибочное представление, связанное с замечанием Мирьяны Мороквасич о низком уровне их пространственной мобильности (Morokvasic, 2003). Считалось, что среди послевоенных³ мигрантов из Украины преобладали мужчины. Женская миграция ассоциировалась лишь с второстепенной ролью зависимых членов семьи, сопровождающих мужчин. Однако статистика свидетельствует, что еще в 1940-х годах среди украинских граждан, приехавших, например, по программе EVW в Британию для работы в текстильной промышленности и в сфере больничного обслуживания, женщины составляли более $\frac{1}{4}$ (Kubal, Bakewell, De Naas, 2011).

Распад социалистической системы сопровождался возобновлением права населения на свободу передвижения, а также процессом, о котором одна украинская мигрантка сказала так:

«Когда предприятия закрылись, границы открылись, и нам ничего не осталось, как уезжать» (Ирина, циркулярная мигрантка на работу в странах Евросоюза) (Толстокорова, 2013б).

Открывшиеся возможности привели в движение огромные массы обедневших постсоветских женщин, вынужденных искать любые средства, чтобы прокормить своих детей и семью. Будучи более уязвимыми на рынке труда в условиях массовой безработицы (UNIFEM, 2006), они оказались более территориально мобильными как социальная группа (Космарская, 2005) и благодаря этому смогли адаптироваться к реалиям свободного рынка быстрее мужчин (Hamann, 2007), тяжелее воспринимающих миграцию в связи с неизбежной утратой социального статуса (Фиалкова, 2005).

Возрастание экономической мобильности женщин придало формирувавшемуся миграционному режиму гендерную динамику. Сегодня женщины преобладают среди мигрантов, работающих в ЕС. В 2003 г. их доля достигла около 54% от общего количества мигрантов и 4% от общего населения ЕС (European Parliament, 2006). К примеру, в 2004 г. в Германии соотношение женщин и мужчин среди румынских мигрантов составляло 13 к 10, среди чехов — 18 к 10, эстонцев и латышей — 23 к 10 (Morokvasic, 2008). После расширения ЕС в 2004 г. на европейском рынке труда сформировалась

3. Имеется в виду Вторая мировая война.

новая тенденция, когда женщин из стран третьего мира, таких как Украина, Молдова и Беларусь, все чаще замещают женщины из наименее развитых стран-членов ЕС, например, Румынии или Литвы. Будучи гражданами ЕС, они тем не менее не имеют надлежащего доступа к ресурсам и законодательству и находятся в еще худшем положении, чем их сестры из третьих стран (KISA, 2007).

Специфика женской миграции на постсоветском пространстве состоит в том, что в нее оказались вовлечены не только женщины-работницы, но и представительницы обедневшего среднего класса, включая его высшие слои: государственные служащие, представители научной интеллигенции, административных структур и т. д. (Толстокорова, 2012а). Так, по данным исследования женской миграции из Тернопольской области, являющейся основным донором миграции из Украины, 37,3% опрошенных имели высшее образование, а 43,4% женщин до выезда за рубеж занимали должности специалистов (Трудова міграція, 2002).

Начало 1990-х годов было отмечено волной вынужденной миграции, преимущественно мужской, из Украины в Россию. После этого состав миграционных потоков в эту страну начал меняться как с точки зрения целевых установок, так и в плане гендерного соотношения. На смену «челнокам» пришли сугубо мигрантские сферы деятельности, привлекающие женщин. Для жителей СНГ условия заработков в России весьма притягательны благодаря общему советскому прошлому, прозрачности границ и другим факторам, которые в середине в 2000-х позволяли России сохранять приоритетное положение при выборе потенциальными мигрантками страны назначения. Однако из-за нерациональной миграционной политики женские потоки из ближнего зарубежья начали менять направление движения в сторону европейских стран (Полетаев, 2005).

В Украине новые формы транснациональной мобильности, возникшие после распада социалистической системы, не были гендерно нейтральными. Феминизация этого процесса стала проявляться уже в первые годы рыночных реформ (Толстокорова, 2012а; Tolstokorova, 2009а; Tolstokorova, 2012). Хотя в начале 1990-х годов женщины составляли 53,6% от общего количества украинских «челночников» (Зовнішні трудові міграції, 2002: 84), в целом в потоках трудовой миграции преобладали мужчины, поскольку их труд был востребован в строительных индустриях Глобального Севера. Самостоятельная женская трудовая миграция началась в конце 1990-х — начале 2000-х годов (GFK Ukraine, 2008), когда дешёвый труд женщин из постсоветских государств потребовался для удовлетворения спроса на сервисные услуги в постиндустриальных экономиках.

Статистика последних лет показывает, что мужчины все еще преобладают в миграционных потоках из Украины. В 2008 г. их доля достигала 67,2% против 32,8% у женщин, но количество женщин увеличилось по сравнению с 2001 г., когда они составляли 24%, что, по мнению отечественных экспертов, подтверждает тенденцию феминизации потоков рабочей силы из Украины (Жінки та міграція, 2010: 18). В 2009 г. гендерное соотношение среди молодых заробитчан, выехавших в страны дальнего зарубежья, составляло уже 61,4% мужчин против 38,6% женщин (Молодь та молодіжна

політика, 2010: 184). Это подтверждается и данными отчета Госкомстата за 2009 г., в котором отмечается, что начиная с 2003–2005 гг. доля женщин в миграционных потоках возрастает, хотя конкретные цифры при этом не указываются (Інформаційно-аналітичні ... 2010).

Гендерные трансформации менталитета и идентичностей мигрантов

Исследования показывают, что миграция может приводить к изменению традиционных норм, в частности, трансформации традиционных гендерных ролей (Fargues, 2006). Это проявляется в изменении гендерного менталитета и трансформациях гендерной этики гастарбайтеров, что особенно свойственно женщинам, которые нередко сталкиваются с необходимостью кардинального пересмотра своей роли в семье и обществе, ведущей к переосмыслению их женской идентичности. Погружение в более эгалитарную культуру принимающих сообществ, обретение экономической независимости и осознание своей властной позиции в семье приводят к изменению восприятия собственного социального статуса, повышают индивидуальные гендерные стандарты. Это дает основания утверждать, что позитивным эффектом миграционного опыта женщин является аккумуляция «дивидендов гендерного равенства» (Толстокорова, 2012в: 214)⁴ как механизма трансформации их женской идентичности на основе освоения более демократичного «гендерного кода» принимающих обществ. Это наблюдение основывается, в частности, на экспертных интервью:

«Проблема в том, что, к сожалению, в селе женщина утратила свой авторитет, уважение в семье. В селе она очень тяжело работает, потому что... ну, вы знаете ситуацию. И вот она уезжает за границу, где она видит совершенно другое отношение к себе. Поэтому она, конечно, не хочет возвращаться в те условия, в которых она была дома раньше. Понимаете, она начинает иначе к себе относиться. Это одна из причин, почему разрушаются семьи. Потому что она уже не хочет возвращаться в положение, когда от нее ничего не зависит. <...> Потому что вернувшись домой, она научит свою дочь, что можно жить иначе, что можно иметь другие жизненные стандарты. Она уже не хочет, чтобы к ее дочери относились так же, как к ней относился ее муж» (эксперт по вопросам миграции негосударственного научного центра) (Толстокорова, 2012а: 214–215).

В этом интервью эксперт ссылается прежде всего на опыт сельских женщин, подтверждая результаты исследования, демонстрирующего изменения сознания укра-

4. «Дивиденды гендерного равенства» понимаются здесь как разновидность «социальных дивидендов мигрантов», определяемых как «прибавочная стоимость миграционного опыта в форме индивидуальных нематериальных накоплений мигрантов: социального, этического, культурно-эстетического, образовательного, гражданского капитала и т. д., используемых в целях личного развития и благополучия» (Толстокорова, 2013в).

инских сельских женщин в форме «тихого бунта» и нежелания мириться со своим положением (Tolstokorova, 2009б). На практике подобные гендерные изменения менталитета затрагивают и сельских, и городских женщин всех возрастов. Причем молодые девушки, находясь за границей, осваивают принципы гендерной эгалитарности быстрее женщин старшего возраста, что сказывается в том числе и на их брачных стратегиях, проявляющихся в большей избирательности и повышении требований к будущему супругу. Эксперты определяют этот процесс как «гендерную революцию» среди украинских женщин. Эти выводы согласуются с данными молдавских исследователей, свидетельствующих, что женщины, имеющие опыт работы за рубежом, менее склонны терпеть семейное насилие, более требовательны к своим партнерам в плане необходимости изменения агрессивных поведенческих привычек и чаще инициируют развод, если ожидаемых изменений в семейных отношениях не происходит (Пелях, 2007).

Изменения гендерного менталитета отмечаются даже у мигранток, работающих в «традиционалистских» принимающих обществах, например в России. Дело в том, что женщины, выезжающие на заработки за рубеж, обычно имеют более высокие доходы, чем их мужья, оставшиеся дома. Это ускоряет трансформацию гендерных отношений, стимулирует распространение современных установок и ценностей, способствует отходу от традиционных норм, о чем свидетельствуют исследования в разных государствах бывшего СССР (Пелях, 2007; Бредникова, Ткач, 2010; Аюпова, 2012). Благодаря этому влияние трудовой миграции на модификацию гендерных режимов на постсоветском пространстве становится очевидным (Женщины-мигранты, 2011).

Однако в результате такой переоценки ценностей мигрантки оказываются в ситуации конфликта с традиционной гендерной средой на родине, чуждой их новому «гендерному дисплею». Их мужья и близкие не готовы принимать их в роли «кормилиц», наделенных соответствующими властными полномочиями в семье. Здесь возможен сценарий, отмеченный в российских семьях, когда экономическая свобода женщины не приводит к пересмотру позиций в сторону эгалитаризма, а, напротив, вынуждает ее «изобретать стратегии камуфляжа, подпирающие авторитет мужа» (Мещеркина, 1999: 142) с целью сохранить семью. Иными словами, усвоение и переосмысление мигрантками идей гендерного равенства в соответствии с принятыми в европейской культуре мировоззренческими ценностями не влияют на модернизацию повседневных гендерных практик в их семьях. В результате женщины оказываются в «гендерной ловушке», будучи зажаты между лезвиями «мировоззренческих ножниц», усугубляющих обратный культурный шок мигранток по возвращении в родную среду, ставшую чужой.

Кроме того, исследования показали, что эффект усиления позиций, или «эмпauerмента» женщин благодаря миграции, отмечаемый в документах ООН (UN, 2006, III), может оказывать обратное действие (Tolstokorova, 2010). Парадокс заключается в том, что хотя зарубежные заработки позволяют мигранткам приобрести большую степень финансовой независимости и самодостаточности, они не приводят к более высокому уровню гендерного или финансового равенства в их семьях, а лишь усили-

вают двойную нагрузку транснационального материнства. Это происходит потому, что, принимая на себя обязанности единственных кормилиц своих семей, женщины возлагают на себя и большее бремя ответственности перед своими детьми и их опекунами, ухаживающими за детьми во время отсутствия матерей в семье. В то же время мужья мигранток пользуются этим, перекладывая все обязанности за обеспечение семьи на своих жен. Нередко они перестают работать и живут на деньги, присылаемые их супругами из-за рубежа. Как отметила одна украинская респондентка:

«У нас тут на юге, особенно в маленьких городишках, где-то около 40% мужиков, у которых жены на заработках, сидят дома, занимаются хозяйством. А на западе таких еще больше. Не меньше половины таких. А вот сестра моя живет в Молдавии, так говорит, что у них не меньше 70% мужчин живут на деньги своих жен» (Вера, мать мужчины, работающего в России) (Tolstokorova, 2012: 17).

Таким образом, *гендерное сальдо* миграции, в отличие от финансового, оказывается для женщин отрицательным, поскольку их гендерные инвестиции в транснационализм как матерей и жен-кормилиц, исполняющих традиционно мужские роли в дополнение к традиционно женским, не приносят им соответствующих гендерных дивидендов, а, напротив, преломляются в «новые формы зависимостей, ведущие к утрате позиций (disempowerment)» (Petrozziello, 2011: 56).

В то же время изменения гендерных ролей в результате «мигрантскости» затрагивают и мужчин. Соответственно, они зарабатывают свои собственные «дивиденды гендерного равенства». Это вызвано рядом причин. Во-первых, они видят более уважительное отношение к женщине в принимающих странах и транспонируют этот опыт на собственное приватное пространство, стараясь соответствовать гендерным нормам принимающего сообщества. Вот что сказал украинский мигрант в Италии:

«Я вижу, что здесь отношение к женщине другое, ее ценят больше. Вот и я этому учусь, учусь уважать в своей жене женщину» (Роман, владелец кондитерской в Риме) (Tolstokorova, 2008: 58).

Во-вторых, отмечается «гендерный парадокс»: хотя материально-финансовое обеспечение семьи посредством миграции воспринимается как часть образа жизни мужчин, сфера мужской занятости, «мужская работа» (Олимова, 2012), у гастарбайтеров нередко наблюдается переключение привычных поведенческих кодов относительно понятий «женская» и «мужская» работа на новые, диктуемые условиями миграционного трудоустройства. Так, по отношению к дагестанским сельчанам-мигрантам Ю. Карпов и Е. Капустина отмечают:

«Работа в огородах — „копаться в земле“ — издавна считалась в горном Дагестане женским делом. И сейчас мужчина, выполняющий какие-либо „женские“ работы, подвергается насмешкам и осуждается общественным

мнением. Однако на промысле отношение к этому меняется. <...> В итоге под воздействием экономической необходимости, а главным образом из-за выпадения из сельской системы, принцип „мужских“ и „женских“ работ на месте промысла размывается» (Карпов, Капустина, 2011: 209).

Заниматься в странах приёма теми видами деятельности, которые дома обычно рассматриваются в качестве «женской работы», могут и таджикские мигранты-мужчины. Например, они работают в России доярами или ухаживают за скотом на фермах, тогда как в Таджикистане эта работа считается «женским» занятием (Олимова, 2012: 91).

Украинские мужчины, находясь за рубежом, также иногда соглашаются выполнять работы, традиционно считающиеся «женскими». Так, они могут заниматься домашним обслуживающим трудом (ILO, 2013: 19) и оказывать услуги ЭЗиУ (Lutz, 2004), но чаще их трудоустройство связано с работой, предполагающей меньшую степень эмоциональной вовлеченности, например, уход за животными, автомобилями, яхтами, жилыми помещениями (мелкий технический ремонт), даже за могилами на кладбищах, уборка гостиниц и железнодорожных вагонов, мытьё посуды в ресторанах и кафе, уход за телом (массажистами и парикмахерами), работа садовником.

Однако возвращаясь домой, мужчины редко инвестируют этот культурный капитал в повседневные практики, поскольку он противоречит традиционным представлениям о маскулинности в украинском менталитете. По крайней мере, он вряд ли выносится за пределы приватной сферы.

Женская миграция в контексте «глобальных цепочек заботы и ухода»

На протяжении рыночных реформ многие постсоциалистические страны столкнулись с так называемой «утечкой кадров по уходу» (care drain) (Hochschild, 2000: 131), став донорами женской рабочей силы для экономически благополучных государств мира. В частности, такая ситуация сложилась в сельскохозяйственных районах Западной Украины, где многие домохозяйства лишились женщин рабочего возраста в связи с их выездом на работу в «экономике заботы и ухода» (Folbre, 1995) стран Глобального Севера.

ЭЗиУ — это экономика обслуживающего труда, основанная на распределении неоплачиваемых трудовых ресурсов и трудовой деятельности как внутри домохозяйства, так и за его пределами и предлагающая широкий спектр услуг от уборки, закупки продуктов и приготовления пищи до ухода за детьми, стариками, больными и немощными членами семьи, домашними питомцами. ЭЗиУ зиждется на принципе так называемой «глобальной коммодификации обслуживающего труда» (Parreñas, 2001), лежащем в основе «кругооборота заботы», или «глобальных цепочек заботы и ухода» (ГЦЗ), которые представляют собой сетевые образования, направленные на поддержание бытового процесса в домохозяйствах мигрантов посредством последовательного трансферта сервисных функций от одного к другому на основании разных

видов властных отношений: гендерных, этнических, социально-классовых. Образно говоря, ГЦЗ вынуждают женщин «оставлять свои собственные опрятные спаленки и чистенькие кухоньки только для того, чтобы навести порядок в чужом доме и залатать чью-то рваную одежду, а заодно — и нашу надорванную экономику» (Layosa, 1995).

Причина появления ГЦЗ кроется в новом мировом разделении труда, сложившемся в послевоенную эпоху. Благодаря подобному «международному разделению обслуживающего труда на основе гендерных и расовых признаков» (Ally, 2005) глобальный капитализм и неолиберальная экономическая реструктуризация установили «новый глобальный порядок домохозяйства» (Hondagneu-Sotelo, 2001), обуславливающий миграцию «новой домашней прислуги» (Lutz, 2008) с периферии мировой капиталистической системы в страны ее ядра для предоставления низкооплачиваемого обслуживающего труда семьям «золотого миллиарда». Таким образом, глобальные цепочки заботы можно рассматривать как «стратегические объекты для идентификации, изучения и теоретизирования гендерной динамики современного глобализационного процесса» (Sassen, 2005) и как «интимную политическую сцену, на которой транснациональный расизм и эксплуатация формируются, аккумулируются, возвращаются и нормализуются» (Gregoriou, 2008: 15).

Неолиберальную тенденцию массового участия женщин среднего класса в платном рынке труда и обретения ими финансовой независимости нередко рассматривают как обратную сторону и плату за утрату свободы их домработницами (Andall, 2000). Принося в жертву свою собственную семейную жизнь, мигрантки-служанки обеспечивают своим работодателям возможность успешно совмещать карьеру и семейные обязанности. Поэтому их иногда называют «совместительницами» трудовой деятельности и приватной жизни (Gregoriou, 2008: 9) в обеспеченных семьях Глобального Севера.

В постиндустриальных обществах рост спроса на женскую рабочую силу был обусловлен «кризисом заботы», приведшим к формированию экономики домашнего сервиса на основе «транснационализации обслуживающего труда» (Lutz, 2005) и «международного распределения заботы» (Parreñas, 2001). Этот процесс зиждется на эксплуатации преимущественно женской трудовой силы, рекрутируемой из трудовых мигранток третьего мира, что позволяет рассматривать кризис заботы как «одну из движущих сил феминизации миграционного процесса» (UN: INSTRAW, 2007: 2–3).

До недавнего времени формирование ГЦЗУ изучалось главным образом с точки зрения миграционных потоков из бедных стран Глобального Юга в обеспеченные постиндустриальные государства. После распада социалистического блока возникло новое направление исследований, изучающее формирование «круговорота заботы» в странах с переходной экономикой. Однако изучение этого процесса редко включает украинские реалии. В то же время феминизация трудовой миграции приводит к появлению в системе домашнего обслуживания Украины новой проблемы, которую можно определить как «брешь заботы» (care gap) (Himmelweit, 2002). Она возникает в результате диспропорции между спросом и предложением на внутреннем рын-

ке домашнего сервиса. С одной стороны, наблюдается возрастающая потребность в платных домашних услугах, а с другой стороны — усиливается отток за рубеж потенциальных работниц данной сферы. В перспективе этот процесс ведет к «дефициту заботы» (Hochschild, 1997) в Украине и, следовательно, к неизбежному кризису системы домашних бытовых услуг, который уже набирает силу. Очевидно, что сегодня назрела настоятельная необходимость выявления тех методов, стратегий и средств, которые позволят заполнить возникшую «брешь заботы» и предупредить неизбежный кризис в системе домашнего обслуживающего труда. Поэтому всестороннее исследование функционирования ЭЗиУ в украинских условиях — актуальная задача.

Заключение

В последние десятилетия основным трендом мирового развития стала глобализация, зиждущаяся на трех китах: торговле товарами, потоках капиталов и мобильности людей, причем последняя приобрела репутацию «мобильного суперкита» (Block, 2010). Возможности использования человечеством свободы передвижения, возросшие благодаря техническим достижениям последнего столетия, предопределили возникновение новых парадигматических перспектив в социальных науках. Одной из них является «парадигма мобильности», во многом определившая палитру социальных исследований последнего десятилетия. Направленная на исследование вопросов пространственной мобильности как «нового базиса социального порядка», она изучает социальные феномены через призму категории «движение». Общества рассматриваются ею как постоянно меняющие свои конфигурации, формируясь различными мобильными акторами: людьми, капиталом, информацией. При этом особое внимание уделяется междисциплинарному диалогу на тему концептуального сдвига от изучения оседлого образа жизни к исследованию социальных импликаций мобильности, используемого для объяснения социальных явлений с помощью различных форм мобильности, создающих и меняющих пространство. Вопрос ставится уже не о том, «двигаться или нет, а о том, как двигаться и какой ценой» (Веселкова, 2011: 54). За последнее десятилетие исследования мобильности не только обрели четкие контуры, свидетельствуя о достижении самостоятельности и состоятельности этого междисциплинарного проекта, но и сформировали собственный дискурс и идеологию (Manderscheid, Endres, Mincke, 2013), этику (Bergmann, Sager, 2008), политику (Cresswell, 2006) и методологию (Block, 2010; D'Andrea, Ciolfi, Gray, 2011). Особое место в данном исследовательском поле занимает изучение международной миграции как формы мобильности.

Другим трендовым направлением исследований в социальных науках является теория транснационализма. Определяемая критиками как новый «этикет постмодерна» (Friedman, 2007), она направлена на изучение трансграничных сетей и сообществ с точки зрения их процессуальности. Опираясь на концептуальный аппарат фигуративной социологии, транснациональный подход рассматривает миграцию как плюри- и транслокальный процесс, уделяя особое внимание способам интенсивного

использования современных средств связи на основе ускоренного развития транспортных и коммуникационных технологий (Vertoves, 2001: 574).

Третьим парадигматическим направлением социальных исследований является гендерный подход к изучению общественных процессов. Применительно к вопросам международной мобильности и миграции категория «гендер» (социальный пол) используется в качестве значимого маркера географических границ как конструируемых аспектов различия, играющего в сочетании с другими категориями дифференциации (классом, расой, этничностью, религией) важную роль в придании значимости различным формам трансграничного опыта (Schimanski, 2010). Гендерный подход в миграциологии убедительно демонстрирует, что пространственная мобильность и миграция являются гендерно-маркированными процессами, поскольку гендер оказывает влияние на все его аспекты: причины, характер и эффект на всех уровнях, включая субъективный опыт мигрантов (UN-INSTRAW, 2007). Таким образом, анализ проблем мобильности и миграции с учетом гендерного фактора — необходимое условие для понимания этих процессов как сложных социально-экономических явлений и для осуществления эффективной политики в данной сфере.

Мы предприняли попытку объединения трех указанных парадигматических направлений социальных исследований на примере украинской трудовой миграции как массового феномена периода рыночных реформ. Преимущество такого интегрированного подхода состоит в том, что он дает возможность проследить, каким образом трансграничные сети мобильных женщин и мужчин участвуют в воспроизводстве, создании или трансформации иерархических гендерных практик и идеологий в условиях больших географических расстояний. Представляется, что в силу уникальности и новизны такого подхода он имеет несомненные перспективы в социальных исследованиях и его внедрение и развитие должно стать задачей ближайшего будущего.

Литература

- Абашин С. Н. (2012). Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. № 4. С. 3–13.
- Аюпова Ш. (2012). Узбекская трудовая миграция из южной Киргизии в Россию и её влияние на гендерные отношения // Диаспоры. № 2. С. 61–85.
- Баркер Дж. (2007). Парадигмы мышления: как увидеть новое и преуспеть в меняющемся мире / Пер. с англ. Т. Ю. Гутман. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Бредникова О., Ткач О. (2010). Дом дляномады // Laboratorium. № 3. С. 72–95.
- Бурдые П. (1998). Структура, габитус, практика / Пер. С фр. Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I. № 2. С. 40–58.
- Веселкова Н. В. (1994). Полуформализованное интервью // Социологический журнал. № 3. С. 103–109.
- Веселкова Н. В. (2011). Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIV. № 3. С. 50–66.
- Глуценко Г. И. (2005) Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 50–57.

- Голод С. И. (2008) Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. Т. 7. № 1. С. 40–49.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России. (2011) / Под ред. Е. Тюрюкановой. М.: Макс Пресс.
- Жінки та міграція. (2010). Харків: Права людини.
- Запорожец О. Н. (2012) От манифеста к тексту // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 164–168.
- Зовнішні трудові міграції населення України. (2002) / За ред. Е. М. Лібанової, О. Позняка. Київ: РВПС України.
- Иващенко-Стадник Е. (2013). Вечное возвращение: современные проблемы социальной реинтеграции украинских трудовых мигрантов, прибывающих из ЕС в Украину (по результатам социологических исследований). (2013). CARIM-East RR 2013/05, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute.
- Інформаційно-аналітичні матеріали щодо міграційної ситуації в Україні за 2009 р. Сайт Державного комітету України у справах національностей та релігій. 01.04.2010. <http://www.scnm.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=47631&cat_id=47924> Дата доступу: 20.11.2010.
- Кайзер М., Бредникова О. (2004) Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулина, О. Карпенко. СПб.: Центр независимых социологических исследований. С. 133–146.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. (2011). Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Касимова С. (2010). Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами) // Laboratorium. № 3. С. 126–149.
- Клецин А. А. (1996). Социология семьи // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: «На Воробьевых горах», Институт социологии РАН. С. 147–168.
- Космарская Н. П. (1998). «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России. М.: МЦГИ, Проект гендерная экспертиза.
- Космарская Н. П. (2005). От составителя // Диаспоры. № 1. С. 6–18.
- Мещеркина Е. Ю. (1999). Биографии «новых русских»: гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве // Гендерные исследования. № 2. С. 123–144.
- Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічні аспекти. (2010) / За ред. Е. М. Лібанової. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України.
- Николаевський В. М. (2007). Інтелектуальна міграція та соціальна безпека // Міграція та толерантність в Україні. Київ: Стилос. С. 121–126.
- Олимова С. К. (2012). Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // Диаспоры. № 2. С. 86–123.
- Пелях М. (2008). Влияние миграции на гендерные роли в Молдове // Гендер в развитии. № 8. <<http://europeandcis.undp.org/news/show/6E57259E-F203-1EE9-B6FBF423A4395A5E>> Дата доступу: 11.01.2008.

- Полетаев Д.* (2005). Женщины-мигранты из зарубежных стран в России // Demoscope Weekly. № 221-222. 7-20 сентября. <<http://demoscope.ru/weekly/2005/0221/analito3.php>> Дата доступа: 11.10.2008.
- Пономарева О.* (2011). Новітні форми української жертвовності // Українське слово. Інтернет-видання. 23.12.2011. <<http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/suspilstvo/novitni-formy-ukrayinskoyi-zhertovnosti.html>> Дата доступа: 23.03.2013.
- Семья и человеческое развитие в Республике Башкортостан. (2012) / Под ред. Ф. Б. Бурхановой, Р. М. Валиахметова, Г. Ф. Хилажевой. Уфа: Восточная печать.
- Толстокорова А. В.* (2012а). Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. № 1. С. 198–226.
- Толстокорова А. В.* (2012б). «Жди и помни меня!»: Украинская транснациональная семья как объект гендерного анализа // Диаспоры. № 2. С. 25–60.
- Толстокорова А. В.* (2012в). «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 3. С. 396–408.
- Толстокорова А. В.* (2013а). Транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? // Социологический журнал. № 3. С. 40–62.
- Толстокорова А. В.* (2013б). Унесенные ветром. Постсоветское поколение украинских женщин-мигранток // Лабиринт. № 2. С. 28–44.
- Толстокорова А. В.* (2013в). Лучи света в темном царстве: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // Этнографическое обозрение. № 5. (В печати.)
- Трудова міграція населення Тернопільської області: кількісні та географічні аспекти. (2002). Тернопіль: Лідер.
- Фиалкова Л.* (2005) Опыт адаптации в устных рассказах «русских» израильтянок // Диаспоры. № 1. С. 19–47.
- Ally Sh.* (2005). Caring about care workers: organising in the female shadow of globalisation. <http://www.globaljusticecenter.org/papers2005/ally_eng.htm> Accessed April 3, 2007.
- Amelina A., Faist Th.* (2012). De-naturalizing the national in research methodologies: key concepts of transnational studies in migration // Ethnic and Racial Studies. Vol. 35. № 10. P. 1707–1724.
- Andall J.* (2000). Gender, migration and domestic service: the politics of black women in Italy. Aldershot: Ashgate.
- Anderson B.* (1991). Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L.: Verso.
- Baldassar L., Baldock C., Wilding R.* (2007). Aged care across borders: transnational migration, families and long-distance care. L.: Palgrave MacMillan.
- Bauman Z.* (2000). Liquid modernity. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z.* (2005). Liquid life. Cambridge: Polity Press.
- Beyond borders: exploring links between trafficking and gender. (2010). GAATW Working Papers Series 2010. Global Alliance Against Traffic in Women.
- Bergmann S., Sager T.* (2008). The ethics of mobilities: rethinking place, exclusion, freedom and environment. L.: Ashgate.
- Blok A.* (2010). Mapping the super-whale: towards a mobile ethnography of situated globalities // Mobilities. Vol. 5. № 4. P. 507–528.
- Calgar A.* (2001). Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // Journal of Ethnic and Migration Studies. Vol. 27. № 4. P. 601–613.

- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L.* (2012). Central themes in the study of transnational parenthood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. № 2. P. 191–217.
- Castles S., Miller M. J.* (2003). *The age of migration*. N. Y.: Palgrave Macmillan.
- Cresswell T.* (2010). Towards a politics of mobility // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 28. № 1. P. 17–31.
- Deneva N.* (2012). Transnational aging carers: on transformation of kinship and citizenship in the context of migration among Bulgarian Muslims in Spain // *Social Politics*. Vol. 19. № 1. P. 105–128.
- D'Andrea A., Ciolfi L., Gray B.* (2011). Methodological challenges and innovations in mobilities research // *Mobilities*. Vol. 6. № 2. P. 149–160.
- Ehrenreich B., Hochschild A. R.* (2002). *Global woman: nannies, maids and sex workers in the new economy*. L.: Granta Books.
- European Parliament. (2006). Draft report on women's immigration: the role and place of immigrant women in the European Union. Committee on Women's Rights and Gender Equality.
- Fargues Ph.* (2006). The demographic benefit of international migration: hypothesis and application to Middle Eastern and North African contexts. World Bank Policy Research Working Paper № 4050.
- Folbre N.* (1995). Holding hands at midnight: the paradox of caring labor // *Feminist Economics*. Vol. 1. № 1. P. 73–92.
- Fouron G., Glick Schiller N.* (2001). All in the family: gender, transnational migration, and the nation-state // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. Vol. 7. № 4. P. 539–582.
- Friedman J.* (2007). *The anthropology of global systems: modernities, class and the contradictions of globalization*. Walnut Creek: Altamira Press.
- GFK Ukraine. (2008). The contribution of human resources development to migration policy in Ukraine. (Draft). Kyiv.
- Gherghel A., Le Gall J.* (2005). Transnational practices of care: the Azorean migration in Quebec (Canada). <<http://www.inter-disciplinary.net/wp-content/uploads/2009/10/Gheghel-paper.pdf>> Accessed 09.02.2010.
- Glick Schiller N.* (2013). The transnational migration paradigm: global perspectives on migrant research // *Migration and organized civil society* / Ed. D. Halm, Z. Sezgin. N. Y.: Routledge. P. 25–43.
- Glick Schiller L., Basch C., Blanc-Szanton N.* (1992). *Towards a transnational perspective on migration. race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. N. Y.: Annals of the New York Academy of Sciences.
- Gregoriou Z.* (2008). Gendering migration and integration policy frames: female migrant domestic workers as «precarious workers» and as «reconciliators» // *Integration of female migrant domestic workers: strategies for employment and civic participation*. Nicosia: University of Nicosia Press, MIGS.
- Hamann S.* (2007). Eastern Europe is running out of women // Report. № 1. P. 8–9.
- Hannam K., Sheller M., Urry J.* (2006). Editorial // *Mobilities, immobilities and moorings* // *Mobilities*. Vol. 1. № 1. P. 1–22.
- Hanson S.* (2010). Gender and mobility: new approaches for informing sustainability // *Gender, Place and Culture*. Vol. 17. № 1. P. 5–23.
- Himmelweit S.* (1999). Caring labor // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. № 561. P. 27–38.

- Himmelweit S.* (2002). Economic theory, norms and the care gap // *Analysing families: morality and rationalities in policy and practice* / Ed. A. Carling, S. Duncan, R. Edwards. L.: Routledge. P. 231–249.
- Hochschild A. R.* (1997). *The time bind: when work becomes home and home becomes work*. New York: Metropolitan/Holt.
- Hochschild A. R.* (2000). Global care chains and emotional surplus // *On the edge: living with global capitalism* / Ed. W. Hutton, A. Giddens. L.: Jonathan Cape. P. 130–146.
- Hondagneu-Sotelo P.* (2001). *Domestica: immigrant workers cleaning and caring in the shadows of affluence*. Berkeley: University of California Press.
- Hondagneu-Sotelo P., Avila E.* (1997). «I'm here, but I'm there»: the meaning of Latina transnational motherhood // *Gender and Society*. Vol. 11. № 5. P. 548–571.
- ILO. (2013). *Domestic workers across the world: global and regional statistics and the extent of legal protection*. Geneva: International Labour Office.
- Jolly S., Reeves H.* (2005). *Gender and migration. Overview report*. University of Sussex, Brighton: BRIDGE Institute of Development Studies.
- Kambouri N., Zavos A.* (2011). *Gender, migration and intercultural interactions in the Mediterranean and South East Europe. Final Synthesis Report*. Ge.M.IC. Panteion University (UPSPS), Greece.
- Kelly P., Lusic T.* (2006). Migration and the transnational habitus: evidence from Canada and the Philippines // *Environment and Planning A*. Vol. 38. № 5. P. 831–884.
- KISA. (2007). KISA's contribution to Cyprus' report on the Resolution of the General Assembly of the United Nations 60/139 on «Violence against women migrant workers». KISA Action for Equality, Support, Antiracism.
- Kubal A., Bakewell O., De Haas H.* (2011). *Theorizing the evolution of European migration systems (THEMIS). The Evolution of Ukrainian Migration to the UK. Scoping Study Report*. International Migration Institute, University of Oxford.
- Layosa L.* (1995). *Economy menders* // *Tinig Filipino*. June 7. P. 7.
- Levitt P., Glick Schiller N.* (2007). Conceptualizing simultaneity: a transnational social field perspective on society // *Rethinking migration: new theoretical and empirical perspectives* / Ed. A. Portes, J. DeWind. N. Y., Oxford: Berghahn Books. P. 181–218.
- Levitt P., Sørensen N. N.* (2004). The transnational turn in migration studies // *Global Migration Perspectives*. № 6. <http://www.solidarnosc.org.pl/uploads/oryginal/o/5f5do_Transnational_turn.pdf> Accessed 15.09.2010.
- Lutz H.* (2004). Migration, transnationality, gender in the private household // *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 12. № 1. P. 47–55.
- Lutz H.* (2005). When homes become a workplace: domestic work as an ordinary job? Paper for the International Conference on «Migration and Domestic Work in Global Perspective». Wassenaar, Netherlands, May 26–29.
- Lutz H.* (2008). Introduction: Migrant domestic workers in Europe // *Migration and domestic work* / Ed. H. Lutz. Aldershot: Ashgate. P. 1–10.
- Mandel J.* (2004). Mobility matters: women's livelihood strategies in Porto Novo, Benin // *Gender, Place and Culture*. Vol. 11. № 2. P. 257–287.
- Manderscheid K., Endres M., Mincke Ch.* (2013). *Discourses and ideologies of mobility*. (forthcoming).
- Merla L., Baldassar L.* (2010). Les dynamiques de soin transnationales: entre émotions et considérations économiques // *Recherches sociologiques et anthropologiques*. Vol. 41. № 1. P. 1–10.

- Morawska E.* (2005). The sociology and history of immigration: reflections of a practitioner // International migration research: constructions, omissions, and the promises of interdisciplinarity / Ed. M. Bommers, E. Morawska. Aldershot: Ashgate. P. 203–239.
- Morokvasic M.* (2003). Transnational mobility and gender: a view from post-Wall Europe // Crossing borders and shifting boundaries. Vol. 1: Gender on the move / Ed. M. Morokvasic-Müller, U. Erel, K. Shinozaki. Opladen: Leske and Budrich. P. 101–133.
- Morokvasic M.* (2004). Settled in mobility: engendering post-Wall migration in Europe // Feminist Review. Vol. 77. № 1. P. 7–25.
- Morokvasic M.* (2008). Crossing borders and shifting boundaries of belonging in post-Wall Europe: a gender lens. <<http://www.migrationonline.cz/themes/gender/>> Accessed 15.04.2012.
- Mummert G.* (2005). Transnational parenting in Mexican migrants communities: redefining fatherhood, motherhood and caregiving. Paper presented at the conference «The Mexican International Family Strengths». Cuernavaca, Mexico, June 1–3. <http://www.ciesas.edu.mx/proyectos/mifs2005/papers/03/gail_mummert.pdf> Accessed 13.02.2012.
- Nesteruk O., Marks L. D.* (2009). Grandparents across the ocean: Eastern European immigrants' struggle to maintain intergenerational relationships // Journal of Comparative Family Studies. Vol. 40. № 1. P. 77–95.
- Oishi N.* (2002). Gender and migration: an integrative approach. Working paper 49. CCIS. University of California, San Diego.
- Orozko M., Lowell B. L., Bump M., Fedewa R.* (2005). Transnational engagement, remittances and their relation to development in Latin America and the Caribbean. Final report. Institute for the Study of International Migration, Georgetown University.
- Parreñas R. S.* (2001). Servants of globalization: women, migration, and domestic work. Stanford: Stanford University Press.
- Parreñas R. S.* (2005). Long distance intimacy: class, gender and intergenerational relations between mothers and children in Filipino transnational families // Global Networks. Vol. 5. № 4. P. 317–336.
- Petrozziello A. J.* (2011). Feminised financial flows: how gender affects remittances in Honduran—US transnational families // Gender & Development. Vol. 19. № 1. P. 53–67.
- Phizacklea A.* (2003). Gender actors in migration // Gender and ethnicity in contemporary Europe / Ed. J. Andal. Oxford: Berg. P. 23–40.
- Portes A., Bach R.* (1985). Latin journey: Cuban and Mexican immigrants in the United States. Berkeley: University of California Press.
- Portes A., Guarnizo L. E., Landolt P.* (1999). The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field // Ethnic and Racial Studies. Vol. 22. № 2. P. 217–237.
- Pries L.* (1996) Transnationale Soziale Raume: theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko—USA // Zeitschrift für Soziologie. Vol. 25. № 6. S. 456–472.
- Sassen S.* (2005). Strategic instantiations of gendering: global cities and global survival circuits. Presentation at the International Forum on remittances, Washington, 20 June. <<http://www.uninstraw.org/es/index.php?option=content&task=view&id=1006&Itemid=121>>
- Sheller M., Urry J.* (2006). The new mobilities paradigm // Environment and Planning A. Vol. 38. № 2. P. 281–299.
- Schimanski J.* (2010). Reading gender in border-crossing narratives // Gendering border studies / Ed. J. Aaron, H. Altink, C. Weedon. Cardiff: University of Wales Press. P. 105–126.
- Schmalzbauer L.* (2004). Searching for wages and mothering from afar: the case of Honduran transnational families // Journal of Marriage and Family. Vol. 66. № 5. P. 1317–1331.

- Sørensen N. N.* (2005). Transnational family life across the Atlantic: the experience of Colombian and Dominican migrants in Europe. Paper for the International Conference «Migration and Domestic Work in a Global Perspective». Wassenaar, Netherlands, May 26–29.
- Tiainen T.* (2011). Transnational babushkas: grandmothers? Changing lives across Russian—Finnish border. Paper for the 10th conference of the European Sociological Association (ESA) «Social Relations in Turbulent Times». Geneva, September 7–10.
- Thadani V. N., Todaro M. P.* (1984). Female migration: a conceptual framework // *Women in the cities of Asia: migration and urban adaptation* / Ed. J. T. Fawcett, S.-E. Khoo, P. C. Smith. Boulder: Westview Press. P. 36–59.
- Tolstokorova A.* (2008). Locally neglected, globally engaged: Ukrainian women on the move // *Technologies of globalization: International Conference Proceedings* / Ed. R. Anderl, B. Arich-Gerz, R. Schmiede. Darmstadt: Technical University Darmstadt. P. 44–61.
- Tolstokorova A.* (2009a). Who cares for carers? Feminization of labor migration from Ukraine and its impact on social welfare // *International Issues and Slovak Foreign Policy Affairs*. Vol. XVIII. № 1. P. 62–84.
- Tolstokorova A.* (2009b). Multiple marginalities: gender dimension of rural poverty, unemployment and labour migration in Ukraine. Paper presented at the FAO-IFAD-ILO Workshop «Gaps, trends and current research in gender dimensions of agricultural and rural employment: differentiated pathways out of poverty». Rome (Italy), 31 March — 2 April. <http://www.fao-ilo.org/fileadmin/user_upload/fao_ilo/pdf/Papers/17_March/Tolstokorova-final.pdf>
- Tolstokorova A.* (2010). Bitter berries of better life: socio-demographic costs of labour migration for the Ukrainian society // *ENQUIRE Online Journal. Stories of Migration: Research, Theories and Everyday Lives* / Ed. S. Okyere, R. Madziva, J. Greener, S. Brown. 5th Edition. School of Sociology & Social Policy, University of Nottingham. P. 68–94.
- Tolstokorova A.* (2011). Virtual daddies, mommies and grannies: Ukrainian transnational parenthood and grandparenthood in gender perspective. Paper for IDEA Conference «Gender justice and development: local and global». Bryn Mawr College, USA. June 9–11.
- Tolstokorova A.* (2012). Of women's bondage: socio-economic effects of labour migration on the situation of Ukrainian women and family // *Acta Universitatis Sapientiae*. Vol. 2. № 1. P. 9–29.
- UN. (2006). *World survey on the role of women in development: women and international migration*. New York: United Nations Organization.
- UNIFEM. (2006). *The story behind the numbers: women and employment in Central and Eastern Europe and the Western Commonwealth of Independent States*. <<http://www.refworld.org/docid/46cadad40.html>> Accessed 10.06.2012.
- UN-INSTRAW. (2007). *Feminization of migration. Working Paper 1*. Santo Domingo.
- Urry J.* (2000). *Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century*. L.: Sage.
- Valentine G.* (1989). The geography of women's fear // *Area*. Vol. 21. № 4. P. 385–390.
- Vertovec S.* (2001). Transnationalism and identity // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 27. № 4. P. 573–582.
- Vuorela U.* (2002). Transnational families: imagined and real communities // *The transnational family: new European frontiers and global networks* / Ed. D. Bryceston, U. Vuorella. N. Y., Oxford: Berg. P. 63–82.
- Widmer E.* (2010). *Family configurations: a structural approach to family diversity*. Farnham: Ashgate.
- Zlotnik H.* (1998). International migration 1965–1996: an overview // *Population and Development Review*. Vol. 24. № 3. P. 429–468.